

За дверью снова была операционная № 6.

Цинь Гэ застыл. Перед ним и позади него была одна и та же операционная, одни и те же крики, одна и та же сцена.

Он продолжал бежать вперед, открывая одну дверь за другой.

Входя в одну операционную № 6 за другой.

В море сознания тело не чувствовало усталости. Но после некоторого времени бега Цинь Гэ вынужден был остановиться.

Он понял, почему Цай Минъюэ так боялась, что плакала и умоляла его спасти ее.

Только у человека с крайне серьезными психическими отклонениями море сознания могло войти в такой бесконечный цикл. Цай Минъюэ могла притворяться нормальной в повседневной жизни, но ночью, засыпая, она неизбежно попадала в сон, где обрывки моря сознания всплывали в ее сознании, разъедая сны, сон и эмоции.

В пожилом возрасте из-за дегенерации нервов и функций мозга море сознания Стражей и Проводников начинает проявлять те или иные аномалии. Некоторые могут стараться поддерживать стабильность своего моря сознания, но Цай Минъюэ явно не могла — ее море сознания было слишком ужасным.

Цинь Гэ вспомнил, как Янь Хун говорил, что Цай Минъюэ могла говорить «бред», и этот «бред» Пэн Ху был готов слушать.

То, что слышал Пэн Ху, вероятно, было описанием моря сознания Цай Минъюэ в состоянии помутнения рассудка.

Но бесконечный цикл повторяющихся операционных не мог позволить Цинь Гэ увидеть настоящую тайну Цай Минъюэ. Он уже собирался продолжить исследование, как заметил краем глаза, что у операционного стола что-то изменилось.

Цай Минъюэ в образе врача держала в руках не нож или ножницы. Она держала младенца и прикрывала ему нос и рот рукой.

Цинь Гэ не слышал никаких звуков, только душераздирающие крики от сильной боли. Младенец в руках Цай Минъюэ дернулся несколько раз и вскоре затих.

— Умер, — сказала Цай Минъюэ.

Вокруг внезапно воцарилась тишина, все звуки мгновенно исчезли.

Цай Миньюэ, держащая тело младенца, пристально смотрела на Цинь Гэ и вдруг закричала:

— Убирайся!!!

Стены растаяли, и Цинь Гэ почувствовал, как падает вниз. Пролетая сквозь потолки и стены бесчисленных операционных, он снова и снова падал в кровь, продолжая падать все глубже.

— Бунт.

Он вспомнил слова Цинь Шуаншуан. Когда она была близка к раскрытию тайны Цай Миньюэ, ее море сознания взбунтовалось и выгнало Цинь Шуаншуан.

Это было способом Цай Миньюэ защитить себя.

Но это также означало, что Цинь Гэ был близок к настоящему ядру.

Ему пришлось снова активировать силу своей духовной сущности. Теплая, мягкая энергия, как множество пушистых волосков, окружила его. Не чувствуя физической боли и усталости, Цинь Гэ позволил кролику защищать себя, непрерывно повторяя: «Я здесь, чтобы помочь тебе... Меня пригласил Цай И, чтобы освободить тебя от кошмаров».

Долгое падение закончилось.

Цинь Гэ упал на лужайку.

Поднявшись, он быстро узнал это место — лужайка перед музеем истории 267-й больницы. Скамейка, несколько деревьев, сейчас они были покрыты густой листвой.

Под деревьями стояли многочисленные фигуры, все протягивали к нему руки. Разнообразные конверты и красные пакеты, разные лица — улыбающиеся, умоляющие, напряженные, безжизненные. Среди них были и мужчины, и женщины, и все они начинали с одних и тех же слов: «Доктор Цай».

Доктор Цай, мой муж обманул меня, я не знала, что он особый человек.

Доктор Цай, в больнице сказали, что у этого ребенка 86% шансов стать Проводником, но мы хотим только Стража.

Доктор Цай, я заразился от подземных жителей... мой ребенок... Я не хочу, я не могу родить

ребенка подземных жителей... Меня будут смешить.

Доктор Цай, дочь не подходит, нам не нужна дочь.

Доктор Цай, этот ребенок... помогите нам, у него нет рук, он не выживет.

Доктор Цай, мой муж бросил меня, и я тоже не хочу этого ребенка. Я не смогу за ним ухаживать.

Доктор Цай, ребенок от оборотня... Нет, я не хотела... Я не хочу рожать ребенка насильника, но уже слишком поздно, ничего нельзя сделать.

Доктор Цай, вы очень известны... Я слышала, что вы самый добрый, готовы помочь нам, несчастным, решить наши проблемы.

Доктор Цай, умоляю, помогите.

Помогите избавиться от этого ребенка, от того ребенка.

Это легко, помогите.

...

Бесчисленные люди, бесчисленные руки. Все они устремились к Цинь Гэ, их пальцы царапали его руки, влажные, словно тела, промокшие под холодным дождем.

— Ты правда можешь мне помочь?

Голос раздался у входа в музей истории.

Цинь Гэ обернулся, и все окружавшие его люди исчезли. Музей истории был прямо перед ним, и сгорбленная Цай Миньюэ дрожала у его подножия. Не было ни ветра, ни голосов, только ее собственный голос, дрожащий и прерывающийся, полный страха.

— Не обманывай меня, — тихо сказала она.

Это было сознание Цай Миньюэ, раскрывающее свои тайны, воспоминания о «детях».

Цинь Гэ не знал, что сказать. Он был полон изумления и гнева, но перед ним был лишь образ в море сознания, и любые обвинения и проклятия казались бесполезными.

Словно почувствовав его эмоции, Цай Минъюэ сморщила свои морщинистые губы и с трудом произнесла:

— Я помогала людям.

Цинь Гэ не хотел с ней соглашаться.

— Это еще не ядро, — он решил сосредоточиться на текущей задаче. — Когда ты впервые заметила, что море сознания стало ненормальным?

Лицо Цай Минъюэ дернулось, выражая крайнюю неестественность.

— Это очень важно, — подчеркнул Цинь Гэ.

— ...Тридцать три года назад, один мужчина привел жену в гинекологию и записался ко мне, — после некоторого колебания Цай Минъюэ медленно заговорила. — Он был... последним, кому я помогла.

Цинь Гэ ждал ее следующей фразы, как вдруг почувствовал головокружение.

Невероятно сильное ощущение вращения мира охватило его. Он открыл глаза и обнаружил, что уже упал с кровати Цай Минъюэ и оказался в объятиях Се Цзыцзина.

— Прошел час, — сказал Се Цзыцин. — Ты вернулся вовремя.

Белый туман в палате исчез, Цинь Гэ был измотан. Он мог поддерживать патрулирование только час, дольше было опасно.

В дверь палаты постучали, и вежливый голос Цай И раздался снаружи, говоря весьма бесцеремонные слова:

— Я вхожу.

Как только он повернул ручку двери, Цай Минъюэ на кровати вдруг собрала все силы и закричала:

— Вон!

В щели двери лицо Цай И выражало сложные и смущенные эмоции:

— Мама.

— Вон! — снова закричала Цай Минъюэ.

Она сама сняла кислородную маску и тяжело дышала.

Дверь наконец закрылась. Цинь Гэ поднялся с пола, подошел к кровати, и Цай Миньюэ схватила его.

Взгляд старухи был полон ужасающего возбуждения.

— Тот мужчина... последний, кому я помогла... Он хотел, чтобы я убила его ребенка, — задыхаясь, говорила Цай Миньюэ, ее голос был похож на порывы ветра, с трудом вырывающиеся из горла. — Но... я ошиблась... я сделала что-то не так... и поэтому этот ребенок проклял меня...

Цинь Гэ и Се Цзыцзин оба напряглись. Цинь Гэ взял руку Цай Миньюэ, сдерживая отвращение, и мягко спросил:

— Говори медленнее.

— Чуть-чуть... совсем чуть-чуть... — рука Цай Миньюэ, как клещи, сжала ладонь Цинь Гэ, словно он был тем самым младенцем, наложившим на нее проклятие. — Но он не умер!

Первый мертвый младенец в руках Цай Миньюэ был полной случайностью.

Из-за трудных родов и обвития пуповиной ребенок умер вскоре после рождения. Она тогда была еще молода и, увидев, как семья роженицы бросается к ней, ожидала проклятий или ударов.

Но ничего не произошло.

Пожилая женщина взяла ее за руку и тихо благодарила.

Это была девочка, у которой не хватало двух пальцев. Ее отец был насильником, а матери было всего 16 лет. В этом мире никто не хотел ее.

— Раз уж умерла, то и ладно, — тихо сказали они. — Доктор Цай, вы хороший человек, мы будем благодарны вам всю жизнь.

Постепенно все больше людей стали обращаться к Цай Миньюэ. Неполющенные младенцы, младенцы не того пола, младенцы особых людей... Никто не хотел их.

Цай Миньюэ и несколько акушеров в гинекологии стали хранителями тайн и исполнителями.

<http://bllate.org/book/15560/1384480>